

Местные особенности как ресурс развития регионов и стран

текст

Борис Родман

1. Развитие – усиление разнообразия. Таково одно из ярких определений понятия «развитие», взятое мною на вооружение в те далекие годы, когда я посетил библиотеку географического факультета МГУ и читал журнал «Вопросы философии». Если это «на самом деле» так, то разнообразие выступает как некоторый *самоусиливающийся* феномен: чем больше его накопилось, тем сильнее оно будет накапливаться в дальнейшем. Этим обеспечивается ускоренный ход гипотетически предполагаемой единой эволюции природы и порожденного ею человеческого общества, переход этой эволюции в новые фазы, движимые своими, все более мощными «клокомотивами».

По всей вероятности, разнообразие культурного наследия имеет для сохранения и дальнейшего развития человеческого общества такое же значение, как *биоразнообразие* – для сохранения и развития биосферы. Во всяком случае, поскольку понятие биоразнообразия уже хорошо разработано биоэкологами, нам в сфере культурологии можно отталкиваться от него как от исходной посылки и не ломиться в открытую дверь, доказывая, что разнообразие «всего сущего» – это «высшее благо» для цивилизации.

В пространственном аспекте усиление разнообразия есть не что иное, как накопление *местных особенностей* – таких свойств и черт, которые присутствуют или доминируют только в данном, конкретном географическом ареале. Разнообразие обширной территории и местные особенности ее частей – это не абсолютные, а *относительные* ресурсы, познаваемые и оцениваемые в сравнении с другими ареалами. Богатство регионов и стран выражается не столько *наличием* у них тех или иных благ, сколько *различиями* от места к месту¹. Различиями порождается всякого рода *обмен* и *разделение функций* (в частности, географическое разделение труда), от разности потенциалов возникает ток (поток вещества, энергии, информации, в том числе и миграции живых существ).

2. Отношение к местным особенностям в современном глобализирующемся обществе далеко не однозначно: они сплошь и рядом рассматриваются как досадные пережитки и препятствия «дальнейшему развитию». Разнообразию мира и местным особенностям его частей противостоят *унификация* и *стандартизация*, без которых невозможен прогресс техники и обслуживаемого ею человеческого быта. На этом основании многие считают глобализацию верным и неизбежным путем искоренения всяких местных особенностей. Но так как в информации об исчезающем прошлом содержится, как и в мутирующих генах, потенциал для возникновения новшеств, то следует парадоксальный вывод. **Научные направления и дисциплины, общественные течения и движения, считающиеся консервативными и даже реакционными по своей сути, т. е. критикующие и пытающиеся тормозить так называемый всеобщий прогресс, на самом деле сохраняют «генофонд» для дальнейшего ускоренного развития.** Это предположение всецело относится и к нашему делу охраны

культурного и природного наследия.

Подобно тому как отдельному человеку трудно понять себя без сравнения с другими людьми, отдельному региону, а точнее, его жителям, бывает нелегко уяснить, в чем состоят местные особенности и как можно ими пользоваться. Необходима помощь извне – от ученых и от приезжих из других регионов.

В процессе постижения местных особенностей обитателями и руководителями региона можно назвать следующие этапы: 1) *осознание* того, что местные особенности существуют и почему-либо важны для развития данной территории; 2) *узнавание и понимание*, какие черты окружающего мира являются местными особенностями и какому именно ареалу они принадлежат (или пункту, если ареал мал и точно не ограничен); 3) *оценка* местных особенностей: а) *позитивная* – тех, которые признаны полезными; б) *негативная* – тех, которые нежелательны и подлежат искоренению, которых надо стыдиться; в) *негативно-позитивная*, если выявленные недостатки можно превратить в достоинства.

Последний подпункт (3в) особенно интересен (ради него, собственно говоря, и стоило разворачивать нашу нехитрую классификацию). Так, малолюдность, бездорожье и социально-экономический упадок некоторых мест – лишний повод для устройства там природных парков и заповедников². Недостаток полезных ископаемых и энергетических ресурсов у какой-либо страны может способствовать ее интенсивному экономическому развитию.

3. Персонификация территорий позволяет сравнивать их специализацию с *профессиональной ориентацией*. Антропоморфное представление о странах (государствах) и, в меньшей степени, о регионах, уподобление их личностям широко распространено. Считается, что у этих политико-административных и географических единиц существуют свои интересы, как и у отдельных людей. Правда, на поверку оказывается, что это интересы лишь части так называемой элиты или даже одного правителя, но пропаганда приучила думать, что стремления «народа» более или менее совпадают со стараниями тех, кто взялся выступать от его имени. И мы воспользуемся вышеозначенной банальной метафорой.

Природное и культурное наследие той или иной территории – это ее *социальный капитал*, аналогичный социальному капиталу отдельной личности (образованию, трудовым навыкам, престижу, личным связям и т. п.). Здравый смысл требует, чтобы человек или регион реализовал себя наилучшим образом, т. е. использовал прежде всего свои уникальные особенности, а не делал только то, что делают (и порою с меньшим успехом) другие субъекты. Но здравому смыслу нередко противоречит реально существующая рыночная экономика, особенно та ее сомнительная версия, которая наблюдается у нас в России.

Согласно подхваченному и пропагандируемому мною важному принципу, который я назвал «приоритетом уникальности А. Н. Ракитникова»³, в рационально устроенном мире **каждый регион должен специализироваться в первую очередь на том, что можно**

1. Родман Б. Б. Поляризованная биосфера : сб. ст. Смоленск, 2002. С. 139.

2. Родман Б. Б. Поляризованная биосфера : сб. ст. Смоленск, 2002; Родман Б. Б. Экологическая специализация России в постиндустриальном мире // Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. М., 2007. С. 36–43.

3. Ракитников А. Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). М., 1970.

4. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

5. Трейвиш А. И. География и развитие // География мирового развития : сб. науч. тр. Вып. 1 / под ред. Л. М. Синцера. М., 2009. С. 8–43.

делать только в данном месте. Это, между прочим, позволило бы ему долгое время пребывать вне конкуренции и в перспективе приобрести новую конкурентоспособность⁴. Но мир не устроен так рационально, в нем царствует абсурд, которому противостоят наука и здравый смысл.

4. Виды развития (по отношению к местным особенностям). В нашей стране широко распространено и постоянно используется в речах и программах вульгарное, примитивное понимание развития – как простой рост, увеличение, продолжение, накопление того, что уже имеется (на бюрократическом жаргоне – «дальнейшее развитие»). Но к такому процессу применять термин «развитие» вряд ли стоит. «Настоящее» развитие есть нечто более сложное, предполагающее качественные и структурные сдвиги.

Применительно к нашей теме можно выделить следующие виды развития: 1) *передовое* (авангардное), когда в одной лидирующей стране или регионе постоянно (или «как правило») возникает нечто совершенно новое; 2) *догоняющее* (арьергардное), когда другие страны и регионы, пытаясь догнать лидеров, получают те же блага, но гораздо позже; 3) *автономное*, когда изменения не подражательны (не имеют внешнего ориентира, маяка, образца), а вытекают из собственного локального природного и культурного наследия⁵.

Названные виды развития являются, конечно же, сугубо теоретическими, различия между ними весьма относительны и в реальной жизни нередко стираются. Процесс «догоняния» (или «догонки») оказывается большей частью мнимым: арьергард не догоняет авангард, а проходит тот же путь позднее, нередко попадая на те же дорожные ухабы; если он и догоняет, то не столько самого «лидера», сколько его «вчерашний день», повторяя и его ошибки. «Автономное развитие» не значит независимое и изолированное, а только предполагает некоторую достаточно высокую степень самостоятельности.

При передовом развитии возникают яркие местные особенности, которые вскоре перестают быть таковыми, так как распространяются на другие страны и регионы, становятся глобальными. При догоняющем развитии «развивающиеся» (т. е. отсталые) страны и регионы в значительной мере отказываются от своих локальных особенностей в пользу глобальных достижений. **Догоняющим развитием стимулируется уничтожение местных особенностей.** Сохранению местных особенностей способствует автономное развитие, или, что почти то же самое, местные особенности помогают автономному развитию.

5. Местные особенности и туризм. Важнейшей сферой использования местных особенностей являются *путешествия* – прежде всего познавательные, но также и спортивные. Такие главные функции туризма, как познание, оздоровление, общение, коллекционирование достижений, самоутверждение, взаимосвязаны и стимулируют друг друга. Но туризму мешает унификация и стандартизация объектов туристской деятельности. Если везде все станет одинаковым, то путешествовать будет незачем⁶. Этого, к сожалению, не понимают многие организаторы туризма. Поскольку туризм не только феномен культуры, но и отрасль экономики, то потребляемые туристами местные особенности являются ресурсами экономического развития. Их легко утратить, а восстановить трудно. У нас в России стремление благоустроить город и поднять его на более высокий, «европейский»

уровень приводит, как правило, к уничтожению местных особенностей. Так, в Вологде уничтожили самое специфическое, что имелося в городской застройке, – деревянные бревенчатые двухэтажные дома с угловыми лоджиями и нависающими крышами.

Некоторая стандартизация полезна не объектам туризма, а его вспомогательным средствам. Наибольшая унификация дорожного и гостиничного быта необходима при многократных деловых поездках в одни и те же места, наименьшая должна быть при развлекательном и познавательном туризме. Экзотическое и стандартное, глобальное и локальное могут быть пространственно и функционально разделены – так, чтобы вовсе не пересекаться. Например, в экзотической монгольской юрте у кровати справа часть стены оказывается занавеской, за которой отывается дверь в евротуалет, расположенный в пристроенном бетонном блоке. По мере активизации туризма многие путешественники врастают в традиционные местные культуры и в большей степени уподобляются аборигенам в сфере их повседневного быта, приучаются обходиться без европейских «удобств», недостаток которых воспринимается как часть модного ныне «экстрима».

6. Географическая специфика и экзотика. Эти два явления объединяются в понятие «местные особенности». Во всяком регионе интересна прежде всего *географическая специфика*, т. е. черты, отличающие его от всех остальных районов мира. Отдельного же путешественника привлекает *экзотика* – несходство посещаемого района с местом постоянного проживания туриста.

В восприятии приезжим местных особенностей, так же как в искусстве и художественной литературе, сочетаются, взаимно усиливая свое влияние, *уникальное* и *типичное*. С одной стороны, надо показать туристу самые редкие, неповторимые творения природы и культуры; с другой стороны, нужно по немногим образцам познакомить его с обширными территориями, так чтобы он составил правдивое представление о стране или регионе.

Для сохранения уникальных и типичных ландшафтов и недвижимых сооружений создаются природные, архитектурные, историко-культурные заповедники, для движимых неодушевленных предметов – музеи, для живых существ, оторванных от своей естественной среды, – ботанические сады, зоопарки, океанариумы. Интерес к уникальному обычно проявляется раньше, чем к типичному. Мне кажется, что понимание типичного требует более высокого интеллекта. От удивления частным человек приходит к познанию общего, от развлечения – к изучению. Музеи, заповедники и зверинцы издавна возникали как хранилища редкостей; лишь впоследствии в них экспонировались типичные предметы, набор которых отражал стремление устроителей выставки к полноте и репрезентативности⁷. Туризм – важнейшее средство образования, не менее значимое, чем стационарное и камеральное обучение в школе, аудитории, лаборатории.

7. Разнообразие естественное и искусственное. Потребитель туристских услуг, как и покупатель товаров, ценит подлинное, естественное, натуральное. Привлекательные местные особенности бывают более или менее *естественными* и *искусственными*. Наиболее естественны те вещи и явления, которые

6. Родман Б. Б. Захотят ли наши правнуки путешествовать по Земле // Земля и люди : географический календарь. 1970. М., 1969. С. 73–75.

7. Родман Б. Б. Поляризованная биосфера: сб. ст. Смоленск, 2002. С. 140–141, рис. 17.

8. Там же. С. 228 – 230.

9. Замятин Д. Н.
Гуманитарная география:
пространство и язык гео-
графических образов.
СПб., 2003.

возникли до того, как появились мысли и соблазны использовать их для развлечения приезжих; наиболее искусственные созданы случайно и заново, не имеют корней в местном природном и культурном наследии.

Связь между естественными и искусственными местными особенностями бывает *позитивной* и *негативной*, а также нулевой, нейтральной, проблематичной, сомнительной. При позитивной связи естественное и искусственное помогают, усиливают, обогащают друг друга; при негативной зависимости некоторые ценные, но скромные естественные особенности могут быть затемнены и подавлены искусственными достопримечательностями. Умеренной естественностью и искусственностью обладают вещи, специально сделанные для максимального выявления, сохранения, воссоздания подлинного наследия.

Примером позитивной роли искусственного развлекательного новшества может служить Музей мыши в городе (временно бывшем в СССР поселком) Мышкине, позволивший привлечь к этому поселению большое внимание туристов и поднять многие культурные пласты – от картинной галереи до избы, бывшей вокзалом узкоколейки графов Шереметевых. Напротив, несколько сомнительным кажется поселение Деда Мороза в Великом Устюге: «Да неужели наш славный город отныне будет знаменит только этим?» Неуклюжим внедрением произвольного новшества можно даже обидеть и унижить местных жителей. Вместе с тем искусственные достопримечательности сплошь и рядом неплохо врастают в ландшафт и становятся естественными. Однако не все, не всегда и не окончательно.

Символом Парижа стала Эйфелева башня, в свое время вызывавшая протест у интеллектуальной и художественной элиты. Все человечество к ней быстро привыкло. Она ценна и как памятник смелому, беспрецедентному шагу в области строительной техники. Но вот небоскреб Монпарнас таким шагом не был, как и квартал Дефанс, он был в большей степени подражанием. Есть сведения, что парижане готовы расстаться и с этим небоскребом, и с Центром Помпиду. В старый Париж названные постройки так и не вписались.

8. Экстериоризация традиционных культур.

Самые экзотические местные особенности сформировались в результате значительной изоляции стран, регионов, общин и даже бывлой ксенофобии их жителей и правителей. Многие своеобразные черты были как бы интимными принадлежностями народов, этносов, каст и отнюдь не предназначались для развлечения иноверцев и иноземцев. Теперь в большинстве стран все обстоит наоборот: диковинные местные обычаи выставляются на показ приезжим и приносят большой доход. Это касается народных, в том числе семейных обычаев и праздников, но более всего – религиозных обрядов, как у локальных религий, так и у мировых. Правда, пережитки конфессиональной изоляции кое-где сохраняются, например индуисты не пускают посторонних в свои святилища, но и того, что турист видит около храмов, для упоения экзотикой вполне достаточно.

Глобализация способствует сохранению оригинального культурного наследия там, где общество принимает некоторые ее правила игры и развивает индустрию туризма, считаясь с мировыми стандартами. Экзотика может приносить стране немалый доход. То, что недавно было сокровенным, эзотериче-

ским, выставляется напоказ и продается. Внутри действующих храмов и на улицах среди участников религиозных и светских праздников зачастую бывает больше иностранных туристов, чем местных жителей. Потребление религиозных объектов туристами, даже не принадлежащими к данной конфессии и формально не являющимися паломниками, способствует сохранению религии, точнее говоря – ее внешних, зрелищных, а стало быть, и коммерческих функций; светский туризм сближается и даже сливается с паломничеством. Конфессиональные рамки размываются, та или иная религия теряет свою этнорегиональную специфику, интернационализируется, становится в большей степени достоянием мировой культуры. При этом все прежние уровни вовлеченности в религиозную жизнь и разные степени духовности сохраняются. Профанация, опошление, девальвация ценностей в данном случае не неизбежны, если действовать с умом и тактом.

Охране природного и культурного наследия помогает *сакральное* отношение к элементам ландшафта, присущее *экофильным* религиям и квазирелигиозным учениям (буддизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм, традиционные этнические культуры), если связанные с ними традиции в той или иной местности не прерывались надолго. В таком случае легче объяснять населению задачи выделения особо охраняемых природных и культурных территорий – главных хранилищ для местных особенностей. По-видимому, искусственное восстановление традиций будет успешным и выглядеть естественно в тех случаях, когда оно искренне поддерживается более или менее самоорганизованными местными жителями, а не навязывается только сверху (государством и его чиновниками). (К выводам, изложенным в настоящем разделе, я пришел после путешествий по Таиланду и Непалу.)

9. Районирование культурного ландшафта (КЛ)

– лучший способ обнаружения, фиксации, ранжирования, оценки местных особенностей; оно позволяет отнести к разным территориям различные пожелания, рекомендации, программы развития. В нашей стране, где региональное самосознание граждан построено исключительно по официальному и универсальному административно-территориальному делению, неплохо было бы выделить *культурно-ландшафтные провинции*, различающиеся типами расселения (соответствующими особенностям природного ландшафта), остатками традиционной архитектуры жилищ, следами диалектов в языке и разных языков в топонимии, хотя бы наподобие тех трех провинций, которые выявлены в окрестностях Москвы⁸.

Формальным образцом таксономии для районирования КЛ может служить районирование и картографирование природного ландшафта в классических школах ландшафтоведения Н. А. Солнцева, А. Г. Исаченко, Н. А. Гвоздецкого, но КЛ – понятие куда более расплывчатое и туманное. Оно лежит не столько в материальной (вещественной) сфере, сколько в духовном, ментальном пространстве *географических образов*⁹. Соответствующее районирование может и должно быть на порядок более *субъективным*, чем естественно-научное – не только *лично-субъективным* (свое у каждого автора), но и *регионально-субъективным* (различным в разных регионах, отражающим местные точки зрения и специфическое положение регионов в пространстве страны). Так, районирование всей России может быть не только московским, но и петербургским, вологодским и т. д.